

КОНГРЕСС В НЕМИРОВО В РАКУРСЕ ВНЕШНЕЙ И МОРСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Гребенщикова Галина Александровна – доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного морского технического университета (Санкт-Петербург, Россия).

E-mail: inersiya@bk.ru

Аннотация. Какие бы оценки не давались в целом царствованию Анны Иоанновны или отдельным его эпизодам, задача предлагаемой статьи состоит в определении вклада этой государыни в морскую политику России на Балтике и в южном направлении, что невозможно рассматривать без учета взаимоотношений Петербурга с ведущими державами. С опорой на архивные документы рассмотрены вклад Анны Иоанновны в развитие военного флота на Балтике и на юге России, взаимоотношения с Австрией и Францией. К проблемам флота, судостроения и обслуживавших его отраслей Анна Иоанновна подошла ответственно и по государственному, официально подтвердив твердое намерение свято выполнять заветы и указы Петра I. Исходя из заявленного курса, Анна Иоанновна строго придерживалась принципа неразрывной связи безопасности империи (национальной безопасности) с наличием у государства сильного боееспособного флота, чему потом неуклонно следовала и Екатерина II.

Открыть кампанию с Турцией Анна Иоанновна намеревалась, воспользовавшись ее войной с персами. Летом 1736 г. российские войска овладели турецкой крепостью Азовом и заняли ключевые позиции в Крыму, но в ноябре – декабре вынужденно оставили полуостров и отошли на Украину. В июле 1737 г. турецкий Очаков пал, и со взятием этой крепости Россия получила выход к Чёрному морю по Днепру. Кабинет Анны Иоанновны рассчитывал воспользоваться успехами русского оружия, для чего российская дипломатия провела подготовительную работу с турецким руководством. Автор рассматривает причины созыва конгресса в Немирово в 1737 г. в ходе войны России с Турцией, работу конгресса, его итоги и последствия для России.

Русско-турецкая война в эпоху царствования Анны Иоанновны завершилась подписанием 18(29) сентября 1739 г. в Белграде мирного договора.

Ключевые слова: флот при Анне Иоанновне, вице-канцлер А. И. Остерман, война с Турцией, конгресс в Немирово, интересы России, борьба за выход к южным морям.

G. A. Grebenschchikova

Congress in Nemyriv in the context of Russia's foreign and marine politics

Galina Grebenschchikova, Laboratory of Fleet and Navigation's History at Saint-Petersburg State Marine University (Saint-Petersburg, Russia).

E-mail: inersiya@bk.ru

Abstract. Whatever assessments are made, in general terms, of the reign of Anna Ioannovna or its various episodes, the task of the article is to determine the contribution of the sovereign to the marine policy of Russia in the Baltic region and the south of Russia, which can not be considered without taking the relationships between St. Petersburg and the leading powers into

consideration. Empress Anna's contribution to the development of the navy in these regions, Russia's relations with Austria and France are considered on the basis of archival documents. Anna Ioannovna approached the problems of the fleet, shipbuilding and the industries that helped maintaining it responsibly and in a statemanslike manner, officially confirming her firm intention to faithfully fulfil the wishes of Peter I. Based on the declared course, Anna Ioannovna strictly adhered to the principle of inseparable connection between the security of the Empire (national security) and a strong combat-ready fleet. Catherine II followed the same principle unflinchingly.

Anna Ioannovna intended to open a military campaign against Turkey taking advantage of its war with the Persia. In the summer of 1736, Russian troops captured the Turkish fortress of Azov and occupied key positions in the Crimea, but in November–December they were forced to leave the peninsula and move to Ukraine. In July 1737 the Turkish fortress of Ochakov fell, and with the capture of this fortress Russia got access to the Black Sea via the Dnieper. Anna Ioannovna's Ministry hoped to take advantage of the success of the Russian army; to that end, Russian diplomacy carried out preparatory work with the Turkish leadership. The author examines the reasons for convening the Congress in Nemyriv in 1737 during the Russo-Turkish war, the work of the Congress, its results and consequences for Russia.

The Russo-Turkish war in the reign of Anna Ioannovna ended with the signing of the peace treaty in Belgrade on September 18(29), 1739.

Keywords: Navy under Empress Anna, vice-chancellor A. I. Osterman, War with Turkey, Congress of Nemyriv, Russia's interests, fight for access to the south seas.

В марте 1730 г. на российском престоле утвердилась родная племянница Петра I курляндская герцогиня Анна Иоанновна. Личность этой государыни до сих пор вызывает споры историков, особенно в связи с засильем немцев в государственном аппарате и делом Артемия Петровича Волынского — сподвижника Петра Великого и его посланца в Тегеране при дворе персидского шаха в 1715–1717 гг. Подписанный тогда А. П. Волынским торговый договор с персами имел для России важные экономические и стратегические последствия, обеспечив русскому купечеству свободу торговли на всей территории Персии (Ирана). Русский государь получил право направлять в крупные персидские города Исфахан и Шемаху своих торговых представителей — консула и вице-консула¹. Став в 1738 г. кабинет-министром в правительстве Анны Иоанновны, Артемий Волынский вскоре оказался на перекрестном поле интриг среди высших сановников империи — могущественного Э.-И. Бирона и вице-канцлера А. И. Остермана. В конечном счете Волынский был подвергнут аресту с последующими изнурительными допросами и пытками в Тайной канцелярии. По ложным доносам его обвинили в вынашивании планов произвести государственный переворот, свергнуть Анну Иоанновну и возвести на трон дочь Петра I Елизавету. Но даже под жестокими пытками Артемий Петрович отверг обвинения в государственной измене и признал себя виновным лишь во взяточничестве и в утаивании казенных денег. В июне 1740 г. над Волынским состоялся суд, который приговорил его к мучительной казни «посажением живого на кол», но императрица «смягчила» приговор, приказав сначала вырезать у него язык, отсечь правую руку, а потом голову. Спустя три месяца после казни А. П. Волынского Анна Иоанновна скончалась, а вскоре в результате дворцового переворота на российский престол взошла Елизавета Петровна. Впоследствии императрица Екатерина II, призывая правосудие не выносить поспешных и жестоких вердиктов, всякий раз напоминала судьям о деле А. П. Волынского и говорила, что перед ними в качестве примера всегда должен находиться этот мужественный

¹ Архив Санкт-Петербургского института истории (далее — АСПБИИ) РАН, ф. 36, оп. 1, д. 159, л. 4; Уляницкий В. А. Русские консульства за границей в XVIII веке, ч. II, приложение 42. М., 1899, с. 138–139, 145–147.

человек, обвиненный по ложным доносам и показаниям, полученным у него под жестокими пытками.

Однако какие бы оценки не давались в целом царствованию Анны Иоанновны или отдельным его эпизодам, задача предлагаемой статьи состоит в определении вклада этой государыни в морскую политику России на Балтике и в южном направлении, что невозможно рассматривать без учета взаимоотношений Петербурга с ведущими державами — Австрией и Францией.

Ко времени восшествия Анны Иоанновны на престол российские морские силы состояли из Балтийского флота, Каспийской военной флотилии, Донской и Днепровской флотилий; последние две находились в ходе постройки. В Балтийском флоте числилось до 40 линейных кораблей разных рангов и годов постройки, 10 фрегатов и 100 малых судов и галер; общий личный состав, по данным военных историков начала XX в. (как правило, офицеров русского Генерального штаба), насчитывал 27 тыс. человек².

К проблемам флота, судостроения и обслуживавших его отраслей Анна Иоанновна подошла ответственно и по государственному, официально подтвердив твердое намерение свято выполнять заветы и указы своего великого дяди. Исходя из заявленного курса, Анна Иоанновна строго придерживалась принципа неразрывной связи безопасности империи (национальной безопасности) с наличием у государства сильного боеспособного флота, чему потом неуклонно следовала и Екатерина II. Показателен и отзыв влиятельных иностранцев об Анне Иоанновне, находившихся при русском дворе и хорошо знавших ее. Так, один высокопоставленный француз искренно, без лести и предвзятости говорил, что «она совершенная государыня, достойная долголетнего царствования»³.

Придя к власти, Анна Иоанновна упразднила Верховный тайный совет и заменила его Кабинетом Ее Императорского Величества (Е.И.В.), а Сенату вернула прежнее наименование — Правительствующий Сенат. 21 июля 1730 г. последовал «Указ Ея Императорского Величества из Правительствующего Сената Адмиралтейской Коллегии», который начинался словами: «Понеже император Петр Великий чрез многолетние свои собственные старания и труды к пользе и безопасности государства завел и учредил морской флот, корабельной и галерной, и чтоб оный всегда в добром порядке и действии содержан был», далее она приказывала флот российский содержать как по уставу и регламенту государя положено, «не ослабевая и уповая на нынешнее благополучное мирное время» — так, чтобы «флот всегда был готов, а служители не забывали своей практики». На основании этого указа корабельные мастера получили высочайшее повеление освидетельствовать судовой состав и представить списки благонадежных и требующих безотлагательного ремонта кораблей и фрегатов⁴. Требующих ремонта выявили 25 единиц линейных кораблей и 11 фрегатов.

Государственная Адмиралтейств-коллегия, курировавшая вопросы строительства и ремонта флота, его снабжения и обеспечения, кадровые и многие другие аспекты нормального функционирования военно-морских сил, при рассмотрении статистических данных, полученных в ходе ремонтных работ, выявила недостаточное «против табеля» количество наличного строевого леса, поэтому направила в «Казанскую

² Байов А. К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны, т. I. СПб., 1906, с. 85. Хотя, думается, названная А. К. Байовым цифра линейных кораблей — 40 единиц — явно завышена.

³ Записки иностранцев о России в XVIII столетии. Письма леди Рондо, жены английско-го резидента при Русском Дворе в царствование императрицы Анны Иоанновны. СПб., 1874, с. 175–176.

⁴ Российский государственный архив Военно-морского флота (далее — РГА ВМФ), ф. 212, 1730 г., д. 3, л. 12–12об., 28–30; ф. 315, оп. 1, д. 31, л. 40об.— 41.

лесную кантору указ: дубовые леса заготавливать к будущей осени и зиме неотложно». А для вящего предупреждения обывателей Адмиралтейств-коллегия напомнила суровые указы Петра Великого за порубку дубового молодняка⁵. Стоит особо отметить, что подобные указы о строгом наказании за вырубку ценного строевого леса — вплоть до «битья кнутом и вырезания ноздрей», ссылок «в каторжную работу вечно» и даже смертной казни — Кабинет императрицы издавал неоднократно, что объяснялось задачами большой государственной значимости⁶.

В целом, в отношении морских дел предвоенные 1731—1735 гг. стали наиболее продуктивными в царствование Анны Иоанновны. Причем санкционированные ею указы и постановления, направленные как непосредственно Адмиралтейств-коллегии, так и проведенные через Правительствующий Сенат, не оставались на бумаге без движения: их не клали под сукно, а четко и последовательно выполняли согласно требованиям императрицы. Одним из основополагающих стал указ, проведенный через Правительствующий Сенат 22 января 1732 г., «О учреждении Особливой комиссии для рассмотрения и приведения в порядок флота»⁷. Указ обосновывал причину учреждения такой комиссии: «Понеже в содержании флота и в морской силы не меньше нужды, пользы и безопасности государства», то крайне необходимо, чтобы «корабельные и галерные Адмиралтейства и всего, что к тому принадлежит», привести в надлежащий («добрый») порядок.

В «Особливую комиссию под главною дирекциею вице-канцлера Андрея Ивановича Остермана» вошли вице-адмиралы Н. А. Сенявин и Г. Сандерс, штурбанхт П. П. Бредаль, контр-адмирал В. А. Дмитриев-Мамонов и другие морские офицеры. Комиссия получила название Военная морская комиссия, членам которой, в дополнение к перечисленным задачам, поручалось произвести инспекцию приморских крепостей и портов Балтики, выяснить, в каком состоянии они находятся и соответствуют ли целям обороны. Следом за изложенным указом 24 января вышло высочайшее повеление Адмиралтейств-коллегии под названием «О подаче в Кабинет мнений флагманов о способе к улучшению флота к пользе и безопасности Государства»⁸.

Началась большая работа всех ведомств Российской империи, причастных к развитию и улучшению флотских дел — Правительствующего Сената, Военной морской комиссии, Адмиралтейств-коллегии, других коллегий, обслуживавших судостроение и имевших отношение к обеспечению личного состава флота провиантом, обмундированием, медикаментами и т.д. Алгоритм той напряженной работы отражен по месяцам, и в итоге на докладе Сената под № 5989 от 16 марта 1732 г. «О приведении флота в положенное число 27 линейных кораблей, 6 фрегатов, 2 прамов, 3 бомбардирских и 8 пакетботов» императрица наложила одобрительную резолюцию.

В царствование Анны Иоанновны начался качественно новый этап в политике России по отношению к южным соседям. В намерении сохранить с Тегераном дружественные отношения, Анна Иоанновна в течение 1731 г. шла на серьезные территориальные уступки персидскому шаху Надиру, и российские войска из занимаемых ими позиций передислоцировались на левый берег реки Куры. 21 января 1732 г. Правительствующий Сенат обнародовал состоявшуюся ратификацию трактата между Россией и Персией и закон «О возстановлении между обеими державами дружественных сношений, об уступке персидскому шаху обратно бывших под российскими владениями провинций Лагеджанской, Ранахута, Гилянкой, Астрабадской и прочих от Астрабада по реку Куру, о возвращении и других остающихся за Россию персидских владений», о восстановлении

⁵ Там же, ф. 212, 1730 г., д. 3, л. 32, 35.

⁶ Полное собрание законов Российской империи, т. VIII, № 6027. СПб., 1830.

⁷ Там же, № 5937.

⁸ РГА ВМФ, ф. 315, оп. 1, д. 31, л. 44.

взаимовыгодной торговли⁹. Россия последовательно подписала два договора: по Рештскому (1732 г.) и по Гянджинскому (1735 г.) Анна Иоанновна вернула персам все завоеванные еще при Петре I прикаспийские провинции вместе с Баку и Дербентом¹⁰.

Авторитетный немецкий историк XIX в. Э. Герман — специалист по истории России — уверен: уже в 1732 г. «Тайный комитет с одобрения Анны Иоанновны» принял решение через два года начать с Турцией войну с целью «отнять Азов, наказать татар и возвратить их в надлежащие пределы». Но поскольку Россию поглощали тогда польские дела, пишет Герман, то, пока она медлила с объявлением туркам войны, французский посол в Константинополе маркиз Луи де Вильнёв умело этим воспользовался и принялся убеждать турецкое правительство (диван) двинуть против русских свои армии, в чем скоро и преуспел¹¹. Документы из российских архивов частично подтверждают выводы немецкого профессора. Действительно, окончательно столь важное решение Кабинет Анны Иоанновны принял в 1734 г., выдвинув главной целью предстоявшей кампании «опустошить Крым в отмщение татарам за набеги на наши южные области»¹². Только не турки первыми двинули свои армии против русских, как уверяет Герман, а Анна Иоанновна упредила их. Немецкий историк затронул лишь узкую сторону проблемы, которую нужно рассматривать в общем контексте отношений Петербурга с Тегераном, Варшавой, Версалем и Константинополем.

На возобновление дипломатических и торговых связей России с персидским шахом последовала яростная реакция Османской Порты — давнего противника Персии. Турки спровоцировали набеги татар на Кабарду и Дагестан, а крымский хан Каплан-Гирей по приказу султана обрушил полчища войск на Закавказье через территорию России. Крымские татары, формально являясь вассально подчиненными Османской Порте, составляли вспомогательный боевой резерв турецкой армии и в случае военной необходимости оказывали содействие султанам¹³.

Маркиз де Вильнёв, прибывший в Константинополь в 1728 г., не теряя времени принялся зорко отслеживать внешнеполитическую конъюнктуру и пускал в ход разные дипломатические уловки, чтобы вовлечь Турцию в затяжные конфликты с Россией и с Австрией с целью ослабить влияние этих держав в Центральной Европе. Еще в августе 1726 г. Петербург заключил с Веней союз, а за несколько дней до его подписания российский резидент в Константинополе Иван Неплюев проинформировал руководство: «Ныне при здешнем дворе иных друзей, кроме австрийского, не имеем. Французы не только отступились, но и неприятелями обратились». В 1729 г., после обоснования в Константинополе маркиза де Вильнёва, Порта направила доверенного человека в Швецию с целью антироссийского зондажа («испытывать почву», по словам Неплюева), чтобы выявить готовность шведов совершить нападение на Россию. Но посылаемый ага разочаровал начальство. По его наблюдениям, Швеция в политическом и военном отношениях оказалась очень слаба «и ко всяким действиям безнадёжна». А вот Российская империя, наоборот, «в добром состоянии» пребывает¹⁴.

⁹ Полное собрание законов Российской империи, т. VIII, № 5935.

¹⁰ Юзефович Т. П. Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб., 1869, с. 194–202.

¹¹ Из истории Русского государства. Сочинение профессора Йельского университета Э. Германа, вышедшее в Гамбурге в 1849 году. — Русский архив, 1866, вып. 2, с. 138–140.

¹² РГА ВМФ, ф. 315, оп. 1, д. 546, л. 4–4об.

¹³ Подробнее см.: Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения, т. 1. СПб., 1885, Предисловие; Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII столетии. Одесса, 1889.

¹⁴ Цит. по: Кочубинский А. Л. Граф Андрей Иванович Остерман. Раздел Турции. Из истории Восточного вопроса. Война пяти лет (1735–1739). Одесса, 1899, с. 16, 23.

Вступив на престол, Анна Иоанновна рекомендовала резиденту Неплюеву: «Буде турки к противностям нам показали, с турецкими министрами можешь поступать посмелее. Ибо турки известны, что Мы с цесарским величеством находимся в союзе, и в случае войны от Порты, друг другу вспомогать обязаны. А с цесарским резидентом тебе всегда доброе согласие содержать во всем том, что до общих интересов принадлежит». Позже маркиз де Вильнёв откровенно признался: туркам с самого рождения вбивали в головы обязанность «ненавидеть австрийцев и москвитян, и движение янычар с кровавой революцией 1730 г. были вызваны именно требованием вести их на цесаря и на Москву». Как очевидец событий, Вильнёв резюмировал: «Никогда обстоятельства не были так благоприятны для того, чтобы заставить исламизм послужить нашим намерениям и направить на обоих наших противников этот вышедший из берегов поток. Инстинкт грубой фанатичной массы и интерес образованного француза объединились».

Другой француз, рангом поменьше — сначала офицер национальной службы, потом австрийской и, наконец, турецкой, — также не скрывал ненависти к России и Австрии. Приняв ислам, он получил от Порты должность паши и начал активно заниматься реформированием турецкой артиллерии. Новоиспеченный османский военачальник убеждал великого визиря: «Московиты своим быстрым ростом меняют всю систему Европы. Их положение и интересы делают их неизменными союзниками Австрии, а следовательно, врагами Порты и Франции». Поэтому для пользы Турции, говорил паша, крайне важно образовать союз Турции и Франции, «чтобы вернуть москвитов в их старые границы и помешать им принимать участие в делах Европы»¹⁵.

Пока французская миссия занималась интригами и готовила антироссийскую почву сначала вокруг трона султана Ахмеда III, а затем после его свержения в ходе восстания янычар — у престола Махмуда I, вторжения татар на российский земли не прекращались. Бездействие (или, в лучшем случае, формально-сдержанные и ни к чему не обязывавшие извинения) Оттоманской Порты в ответ на протесты Петербурга ситуации в корне не меняли, поэтому разрыв с Турцией в Зимнем дворце предвидели еще до того, как французский дипломат «усилил свои коварные против россиян происки». В ноябре 1731 г. Кабинет Е.И.В. с участием самой императрицы обсуждал вопросы вероятного прекращения дипломатических отношений с Константинополем, после чего постановил «собрать сведения о Донской и Днепровской флотилиях», поступивших из Таврова и из Воронежа, «и предписать привести их в готовность на случай войны»¹⁶. В 1733 г. весь судостроительный и оборонный комплекс Анна Иоанновна также, как Пётр I десять лет назад, поручила возглавить вице-адмиралу М. Х. Змаевичу, приказав ему готовить Донскую флотилию к походу.

Учтя особенность географического положения Крыма, позволявшее многотысячной татарской коннице беспрепятственно действовать в кратчайшем направлении против южных границ России и перемещаться на территорию Молдавии, а также непримиримое поведение османского руководства, в Зимнем дворце пришли к необходимости проведения против татар военной операции. При обсуждении Кабинетом Е.И.В. столь важного вопроса, как «начатие войны противу Порты Оттоманской», стоит особо отметить позицию вице-канцлера России действительного тайного советника Андрея Ивановича Остермана. Умный, расчетливый и осторожный Остерман, которому никто из его современников не отказывал в искреннем рдении за интересы России, вначале высказывался против ввязывания в войну с турками. Изучая документы и исторические исследования того периода, не остается сомнения в том, что мысль о «возмездии за Прут и праведном отмщении за потерпленное поражение»

¹⁵ Кочубинский А. Л. Указ. соч., с. 9–10.

¹⁶ РГА ВМФ, ф. 315, оп. 1, д. 546, л. 2об.– 3.

Петра I не покидала российское руководство, но Остерман взвешенно и осторожно подходил к этому вопросу и призывал императрицу не торопиться «свести счеты за Прут». По его убеждению, для России еще не пришло время для осуществления столь ответственного, масштабного, военного и геополитического проекта, требовавшего колоссальных сил и ресурсов. Интересную характеристику этому вельможе дал известный при дворе Анны Иоанновны иностранец — немецкий офицер на русской службе гвардии полковник граф Х.-Г. фон Манштейн. По словам Манштейна, «Остерман был одним из величайших государственных людей своего времени. Он подробно изучил и отлично понимал политику всех Европейских Дворов. Быстрота соображения и отличный ум соединялись в нем с редким трудолюбием и способностью скоро и легко работать. Бескорыстный и неподкупный, он никогда не брал подарков от Иностранных Дворов без разрешения русского правительства... Часто иностранные послы после продолжительной беседы с ним уходили из его кабинета, не узнав ровно ничего. Все, что он им говорил или писал, можно было понимать двояким образом. Хитрый и скрытный, он умел владеть собою»¹⁷.

И все же в адрес Андрея Ивановича раздавались упреки в проавстрийской ориентации во внешней политике, которая особенно наглядно просматривалась в его записке императрице от 1733 г. с изложением доводов в пользу союза России с Австрией¹⁸. Но в оправдание вице-канцлера можно предположить, что, убеждая государыню в преимуществах подобного альянса, он исходил из понимания исконной заинтересованности Вены в союзе с Петербургом против османов, т.е. надеялся на то же самое, на что в свое время и Пётр I. Вместе с тем в той записке Остерман ни словом не упомянул тяжелых для Петра условий Карловицкого договора от 1699 г., когда австрийский император Леопольд I на переговорах с турками фактически предал русского царя, в результате чего Россия осталась без Керчи и без Чёрного моря, как того желал Пётр. Вынужденно согласившись подписать договор с Турцией, Пётр остро переживал эту неудачу, зато Австрия по миру в Карловицах получила максимальные выгоды и территориальные приращения¹⁹. И, судя по всему, теперь и Остерман в начале 1730-х годов также рассматривал вопрос союза с Веней с позиций добросовестного выполнения Россией взятых на себя обязательств, полагая, что венские политики будут следовать тем же принципам. Однако вновь, как и в Карловицах, произошло обратное.

Одновременно с обсуждением вопроса о войне с Турцией члены Кабинета Е.И.В. приступили к мерам практического характера, направленным на повышение боеспособности военно-морских сил империи в целом. Так, на кампанию 1734 г. Анна Иоанновна приказала Адмиралтейств-коллегии вооружить 29 линейных кораблей,

¹⁷ Записки иностранцев о России в XVIII столетии, с. 200. Сын Андрея Ивановича, Иван Андреевич Остерман, в царствование Екатерины II занимал должность вице-канцлера почти до самой смерти императрицы и не вызывал нареканий ни у современников, ни у последующих поколений. Он честно служил России, но незаметно отошел на второй план после того, как у руля внешней политики прочно стал Н. И. Панин, а затем в 1783 г. — граф А. А. Безбородко.

¹⁸ АСПБ ИИ РАН, ф. 36, оп. 1, д. 36, л. 23–25.

¹⁹ В январе 1699 г. в городе Карловицы на Дунае участники конгресса — каждый в отдельности — заключили с представителями Османской империи мирные договоры. Значительные выгоды получили Австрия и Венеция: Турция вернула австрийскому императору Леопольду I ранее утраченные им земли в Венгрии и Трансильвании и, кроме того, Австрия приобрела территории в Сербии и Словении. К Венеции отошли полуостров Морея, часть островов в Эгейском море и побережье Адриатики до Рагузы, а Польша вернула себе Подолию с Каменец-Подольским. — *Гринеvский О. А.* Прокофий Возницын, или мир с турками. Документальная повесть из истории русской дипломатии. М., 1992, с. 101, 119; *Артамонов В. А.* Страны Восточной Европы в войне с Османской империей. 1683–1699. — Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII веке, ч. 1–2. М., 2001.

фрегатов и малых судов²⁰, и, вероятно, такое указание рассматривалось в качестве сдерживающего фактора против шведов, зорко наблюдавших за обстановкой на Балтике и отслеживавших конъюнктурные изменения западной и восточной дипломатий в отношении России.

Для достижения желаемого успеха в южном направлении было необходимо обеспечить стабильность и безопасность на северо-западных рубежах. К лету 1735 г. терпение императрицы в отношении Османской империи окончательно истощилось. Она лишь укрепилась в мысли действовать на упреждение, с чем согласился даже А. И. Остерман, и решила начать с «наказания буйных татар». В июне курьеры из Зимнего дворца повезли генерал-фельдмаршалу Б.-Х. Миниху, находившемуся с армией в Польше для оказания содействия королю Августу III Саксонскому в утверждении на престоле, секретный приказ о возвращении в Россию²¹. В октябре 39-тысячная армия генерала М. И. Леонтьева без официального объявления войны Оттоманской Порте вторглась в пределы татарских областей и произвела там «разорение и опустошение», но сам поход оказался тяжелым, с большими потерями. Сильные морозы, начавшиеся уже ранней осенью, стали причиной высокой смертности в войсках: погибло 9 тыс. человек и почти столько же пало лошадей. В Петербурге, однако, понимали, что проведенная акция ненадолго устроит татар и не принесет ожидаемых результатов, поэтому четко сформулировали ближайшую задачу: если не принять жестких и решительных мер, то перманентная опасность всегда будет довлеть над южными землями. Исходя из этого, императрица и члены ее Кабинета приняли решение нанести «крымским разбойникам» такой удар, чтобы они уже больше никогда не беспокоили подданных короны Российской империи²².

Открыть кампанию с Турцией Анна Иоанновна намеревалась, воспользовавшись ее войной с персами. Благоприятный расклад сил сложился к концу 1735 г., когда обессыленная и измотанная турецкая армия потерпела ряд поражений в Персии, а Петербург успешно завершил внешнеполитические дела в Варшаве и в Стокгольме, пролонгировав мирный договор со Швецией сроком на 12 лет²³. Как пишет А. К. Байов, вице-канцлер России граф А. И. Остерман, ранее противник военной кампании, теперь будто бы даже заявил, что «Константинополь недалек от гибели будет»²⁴. Таким образом, в годы царствования Анны Иоанновны в высшем военном и государственном руководстве России преобладала наступательная стратегия, предусматривавшая настолько ослабить Оттоманскую Порту, чтобы надолго (а лучше навсегда) вывести ее из числа потенциальных противников. Но пока де-юре не произошло разрыва отношений российская дипломатия в Константинополе в лице резидента И. И. Неплюева успешно проводила политику «усыпления» бдительности турок, а в Зимнем дворце трудились над планами по их «укрошению».

В преддверии войны с Турцией императрица издала ряд указов, в том числе и о помиловании беглых драгун, солдат, матросов и рекрутов, и продлила им срок возвращения к местам службы до конца января 1736 г. Но тех, которые не выполнят приказа и «не явятся из бегов, а будут пойманы», ждало суровое наказание: «Бив кнутом, ссылая в Сибирь на заводы вечно»²⁵.

²⁰ РГА ВМФ, ф. 227, оп. 1, д. 2, л. 112.

²¹ Байов А. К. Указ. соч., с. 168–169.

²² Висковатов А. В. Военные действия Российского гребного флота, под начальством вице-адмирала Бредаля на Азовском море, в 1736, 1737 и 1738 годах. СПб., 1830, с. 1–6.

²³ Архив внешней политики Российской империи, Историко-документальный департамент МИД РФ, ф. 90, Константинопольская миссия, оп. 90/1, д. 52, 1735–1736 год, л. 30.

²⁴ Байов А. К. Указ. соч., с. 170.

²⁵ РГА ВМФ, ф. 212, 1736 г., д. 3, л. 34об. От 10 декабря 1735 г.

Летом 1736 г. российские войска овладели турецкой крепостью Азовом и заняли ключевые позиции в Крыму вместе с резиденцией крымских ханов Бахчисараем, но в ноябре—декабре вынужденно, по причине нехватки продовольствия, распространения опасных заболеваний и усиления турецко-татарских сил, оставили полуостров и отошли на Украину. План кампании на 1737 г. состоял из двух частей: первая предусматривала повторное наступление в Крыму Донской армии под командованием генерал-фельдмаршала П. П. Ласси (40 тыс. человек) при содействии Донской флотилии под начальством вице-адмирала П. П. Бредаля. Вторая часть плана предусматривала взятие важной в стратегическом отношении турецкой крепости Очаков Днепровской армией генерал-фельдмаршала Б.-Х. фон Миниха (90 тыс. человек) при поддержке Днепровской флотилии под командованием контр-адмирала В. А. Дмитриева-Мамонова. Австрия, на которую в Зимнем дворце возлагали большие надежды, в кампании 1736 г. участия не принимала; лишь в конце декабря в Вене состоялось подписание конвенции о вступлении Австрии в войну.

В июле 1737 г. турецкий Очаков пал, и со взятием этой крепости Россия получила выход к Чёрному морю по Днепру. Биограф А. И. Остермана А. Л. Кочубинский отмечал: несмотря на успешные действия в кампании 1736—1737 гг., Анна Иоанновна думала о мире, но о мире не рядовом, а о «сколько-нибудь почетном» для России. Вложенный в это понятие смысл она изложила в записке А. И. Остерману: «Прутский трактат был великий вред и бесчестье нашему государству, который в ту пору от нужды делан. И ежели такой способ найдется, чтоб этот трактат уничтожить, равно как и наши границы присовокупить, не лучше ль войну прекратить?». Остерман согласился с мыслью государыни и поддержал идею поиска выхода из войны, для чего российская дипломатия провела подготовительную работу с турецким руководством и с союзной Австрией²⁶.

Кабинет Анны Иоанновны рассчитывал воспользоваться успехами русского оружия и «принудить турок быть сговорчивее», а Порты, согласившись на переговоры, намеревалась вбить клин разногласий между союзниками и добиться выгодных условий. Турецкие уполномоченные на предстоящем конгрессе рейс-эфенди Метипей и Мустафа эфенди получили соответствующие предписания, а для их морального подкрепления Порты обещала чаще присылать курьеров из Константинополя с инструктажем из французского посольства.

В 1737 г. воюющие стороны встретились на конгрессе в Немирово в Подолии во владениях гетмана Иосифа Потоцкого. Анна Иоанновна направила на конгресс трех представителей — Петра Шафирова, Ивана Неплюева и Артемия Волынского — как тогда говорили, «имевших опыт в делах Востока». 14 апреля А. И. Остерман вручил им императорскую «полную мочь» для работы на конгрессе, а на следующий день — высочайшие инструкции о линии поведения в ходе «негоциаций» с турками. Всем троим Остерман предписывал: во-первых, не позволять австрийцам брать верх на переговорах и помнить, что Австрия — «не медиатор, а союзная и договаривающаяся сторона»²⁷. Во-вторых, вице-канцлер наказывал: для упреждения турок стараться заранее выведывать об их намерениях, чтобы оперативно вносить корректировки в планы операций действующих армий.

Главная инструкция Анны Иоанновны и А. И. Остермана состояла из двух частей. Первая часть заключалась «в требовании от Порты, чтобы река Кубань и Крым со всеми народами и жителями были в вечном подданстве Всероссийской империи». Петербург стремился окончательно прекратить набеги крымских и кубанских татар на российские земли, поэтому и включил пункт о Крыме, но Остерман четко понимал:

²⁶ Кочубинский А. Л. Указ. соч., с. 163.

²⁷ Там же, с. 208. «Не медиатор» — т.е. не посредник.

склонить турок выполнить такое требование будет непросто или вообще невозможно, поэтому рекомендовал Шафирову, Неплюеву и Волынскому внушать туркам, что, мол, им самим от татар нет никакой прибыли, а одни лишь хлопоты и убытки. Россия же, приобретя Крым, обязуется гарантировать турецким купцам право свободной торговли, а татарам выплатить крупную компенсацию — от 100 до 150 тыс. руб.

По названному параграфу в довольно оригинальной манере высказался А. К. Байов: «Вот каким образом Остерман, этот умный человек и последователь Петра Великого, хотел эксплуатировать в пользу России заключенный им союз с Австрией, считаемой всеми тогда могущественной. Вот как хотел он воспользоваться благоприятно складывавшимися для России обстоятельствами, чтобы привести в исполнение заветную мечту гениального Петра утвердиться на берегах Чёрного моря. Но, как и Пётр, Остерман понимал, что сразу добиться этого нельзя», и выдвигать требование Крыма считал преждевременным — это дело будущего, а пока ограничиться только Керчью и Еникале²⁸.

Во второй части инструкции А. И. Остерман предписывал: в случае несговорчивости турок и их явного упорства, проявить гибкость и согласиться снять требование Крыма взамен получения Россией Керчи и Еникале. Для достижения мира, подчеркивал Остерман, «из-за татар войну не продолжать», а вопрос о границах поставить так: «1. С Азовской стороны граница Кубань, купно с Таманом, России. С другой стороны Азова, берега Азовского моря и все земли, по сей стороне лежащие, яко древние российские, останутся России. 2. Перекопскую линию разорить и фортеции там впредь никакой не строить»²⁹.

Конгресс в Немирово начался 5(16) августа 1737 г. Требования Австрии к Турции сводились к сношению укреплений Видина, оставлению за императором Боснии и части территорий в Молдавии и Валахии и контрибуционным выплатам за военные расходы. Биограф А. И. Остермана пишет: «Поведение Австрии, ее фальш и эгоизм» в ходе переговоров «удивляли даже турок» — настолько ее действия в отношении России шли вразрез с союзными обязательствами. Представитель Вены выдвинул решительный протест против требования российских делегатов о передаче не только Крыма, но и Керчи и Еникале. А. И. Остерман, читая донесения Шафирова, Неплюева и Волынского, назвал их ожесточенные споры с союзником «яростной злоучестью» австрийца³⁰, что способствовало скорому воплощению плана Турции о внесении разногласий в стан союзников. Точнее, турецким делегатам особенно даже и не пришлось прикладывать больших усилий: за них это сделал австрийский представитель.

Переговоры продолжались. Турки начисто отвергали требования России оставить за собой Азов и Очаков и предоставить независимость Молдавии и Валахии, равно как и условие Австрии о получении территорий в Молдавии и Валахии. Упорство сторон достигло наивысшего градуса накала, и тогда Волынский пригрозил турецкой стороне: «Ежели турки недовольны нашими умеренными требованиями, то мы будем далее войну продолжать». Но уполномоченные Порты твердо стояли на своем: не уступать ни пяди земель.

На драматическом этапе переговоров решающее значение сыграла позиция Франции. Мощная поддержка, оказанная османам французской дипломатией в Константинополе во главе с маркизом де Вильнёв, объясняла смелое, а порой и вызывающее поведение турецких делегатов в ходе переговоров. Султан сдержал слово: его чауши-гонцы почти непрерывно доставляли рейс-эфенди инструктажи и советы французской миссии, а 20 августа 1737 г. в Немирово пришло секретное повеление из Вены

²⁸ Байов А. К. Указ. соч., с. 444.

²⁹ Кочубинский А. Л. Указ. соч., с. 213–217.

³⁰ Там же, с. 275.

с разрешением в самом крайнем случае заключать мир — пусть даже сепаратный. Понятно, что российские представители не знали о таком ходе австрийской дипломатии.

Тем временем истекали отведенные сроки работы конгресса — 20 сентября. По причине упрямства турок, несоюзной позиции Вены, оставления австрийскими войсками Молдавии и Валахии и вторичного, как и в 1736 г., отхода русской армии из Крыма из-за нехватки продовольствия и фуража П. Шафирову, И. Неплюеву и А. Волынскому ничего не оставалось, как принимать условия Порты, о чем они дали знать в Петербург. Современники единодушно свидетельствовали: А. И. Остерман с тяжелым сердцем дал согласие на разрыв конгресса в Немирово, искренне и тяжело переживал неудачу. Свою позицию он выразил четко и по существу: «Очаков завоеван кровью россиян, и отстоять его есть достоинство России»³¹.

Осенью в Зимнем дворце подводили итоги. Вступление в войну Австрии не принесло ожидаемого коренного перелома — австрийские войска действовали неэффективно, вяло и нерешительно и в целом не оказали большого влияния на ход кампании. Неудача конгресса в Немирово и нежелание Вены допускать усиления России за счет выдвинутых на переговорах требований к Османской империи внесли коррективы в дальнейший ход кампании.

В следующем 1738 г. россияне не смогли укрепиться на Днестре и удержать Перекоп и Крым. Расчеты командования не оправдались, и выхода к Чёрному морю — то, ради чего Россия начала кампанию, — получить не удалось. Вскоре союзная Австрия вышла из войны и под давлением обстоятельств, связанных с поведением венского двора, в Зимнем дворце вынужденно согласилась на тяжелые и унижительные условия мира, учитывая также, что с севера вновь начали угрожать шведы.

Русско-турецкая война в эпоху царствования Анны Иоанновны завершилась подписанием 18(29) сентября 1739 г. в Белграде мирного договора, один из артикулов которого гласил: «Крепость Азовская имеет вовсе разорена быть. Земля той крепости имеет остаться пустая, и между двумя империями барьероу служить будет... Бывшая крепость Таганрог, которая уже разорена, вновь возобновлена не будет, и чтоб Российская держава ни на Азовском, ни на Чёрном море ни какой корабельный флот построить не могла»³².

В дело заключения русско-турецкого мирного договора на таких условиях огромную долю каверзной лепты внес французский посол в Константинополе маркиз Луи де Вильнёв, который старался принести максимальную пользу своей державе. Большую активность французы проявляли и в Стокгольме: втягивали шведов в войну с Россией, чтобы вынудить ее вести кампанию на двух театрах военных действий — на северо-западе и на юге. Стоит признать, что одна из загадок поступка Анны Иоанновны коренилась в доверии, которое она оказала французскому, а не российскому дипломату в выполнении столь важной миссии, как подписание договора с Турцией. По какой причине это произошло, достоверно неизвестно.

Это странное и необъяснимое до сих пор обстоятельство П. П. Черкасов объясняет «той поспешностью, с которой Россия вынужденно пошла на Белградский мир после предательского поведения австрийского союзника»³³. Вполне вероятно, тем более что французские историки называют события, произошедшие в Белграде в сентябре 1739 г., «высшим проявлением искусства французской дипломатии», которое спасло турок от неминуемого вторжения русских армий³⁴. Какой бы расклад предположений

³¹ Там же, с. 341.

³² Трактат, заключенный в лагере при Белграде 18 сентября 1739 года. — Юзефович Т. Указ. соч., с. 15–16.

³³ Черкасов П. П. Елизавета Петровна и Людовик XV. М., 2010, с. 39.

³⁴ Вандаль А. Императрица Елизавета и Людовик XV. М., 1911, с. 105.

не существовал, факт остается неизменным: энергичное и напористое вмешательство французов в дела России и Турции действительно «остановило Россию на пути в Константинополь» и сорвало первоначальные наступательные планы российского руководства с предполагаемым захватом турецкой столицы и утверждением на берегах Чёрного моря. Самому же маркизу де Вильнёву от российской императрицы достался в награду и в подарок «Андреевский орден, 15 000 ефимков и бриллиантовый перстень его жене»³⁵.

По условиям Белградского трактата Россия получила право построить крепость на Дону, «в близости острова Черкасского к Азову, который остров стоит на реке Дону и с давних лет Российской границей есть». Учитывая собственные интересы, турки включили пункт о строительстве своей крепости «на Кубанских границах к Азову»³⁶. Вновь Россия лишалась права по своим главным водным артериям выходить к Чёрному и Азовскому морям. Черноморская торговля для российских купцов строго регламентировалась, и они могли вести ее только на турецких кораблях.

Русско-турецкая кампания 1736–1739 гг. завершилась не в пользу России, потерявшей тогда в баталиях, на полях сражений и от болезней около 100 тыс. человек. Но по дипломатической части у Белградского трактата имелся и полезный пункт, который определял право русских резидентов и чрезвычайных посланников в Константинополе пользоваться всеми преимуществами великих европейских держав: с момента вступления на территорию Османской империи и вплоть до своего отъезда они получали содержание от турецкой казны³⁷.

Библиография

Артамонов В. А. Страны Восточной Европы в войне с Османской империей. 1683–1699. — Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII веке, ч. 1–2. М., 2001.

Байов А. К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны, т. I. СПб., 1906.

Вандаль А. Императрица Елизавета и Людовик XV. М., 1911.

Висковатов А. В. Военные действия Российского гребного флота, под начальством вице-адмирала Бредаля на Азовском море, в 1736, 1737 и 1738 годах. СПб., 1830.

Гриневский О. А. Прокофий Возницын, или мир с турками. Документальная повесть из истории русской дипломатии. М., 1992.

Записки иностранцев о России в XVIII столетии. Письма леди Рондо, жены английского резидента при Русском Дворе в царствование императрицы Анны Иоанновны. СПб., 1874.

Из истории Русского государства. Сочинение профессора Йельского университета Э. Германа, вышедшее в Гамбурге в 1849 году. — Русский архив, 1866, вып. 2.

Кочубинский А. Л. Граф Андрей Иванович Остерман. Раздел Турции. Из истории Восточного вопроса. Война пяти лет (1735–1739). Одесса, 1899.

Полное собрание законов Российской империи, т. VIII. СПб., 1830.

Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения, т. I. СПб., 1885.

Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII столетии. Одесса, 1889.

Теплов В. А. Представители европейских держав в прежнем Константинополе. СПб., 1890.

Теплов В. А. Русские представители в Царьграде. СПб., 1891.

Уляницкий В. А. Русские консульства за границей в XVIII веке, ч. II. М., 1899.

Черкасов П. П. Елизавета Петровна и Людовик XV. М., 2010.

Юзефович Т. П. Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб., 1869.

³⁵ *Теплов В. А.* Русские представители в Царьграде. СПб., 1891, с. 26.

³⁶ Трактат, заключенный в лагере при Белграде 18 сентября 1739 года, с. 17.

³⁷ *Теплов В. А.* Представители европейских держав в прежнем Константинополе. СПб., 1890, с. 20–21.

References

- Artamonov V. A.* Strany Vostochnoy Yevropy v voyne s Osmanskoy imperiyey. 1683–1699. – Osmanskaya imperiya i strany Tsentral'noy, Vostochnoy i Yugo-Vostochnoy Yevropy v XVII veke, ch. 1–2. Moskva, 2001.
- Bayov A. K.* Russkaya armiya v tsarstvovaniye imperatritsy Anny Ioannovny, t. I. Sankt-Peterburg, 1906.
- Cherkasov P. P.* Yelizaveta Petrovna i Lyudovik XV. Moskva, 2010.
- Grinevskiy O. A.* Prokofiy Voznitsyn, ili mir s turkami. Dokumental'naya povest' iz istorii russkoy diplomatii. Moskva, 1992.
- Iz istorii Russkogo gosudarstva. Sochineniye professora Yyel'skogo universiteta E. Germana, vyshedsheye v Gamburgue v 1849 godu. – Russkiy arkhiv, 1866, vyp. 2.
- Kochubinskiy A. L.* Graf Andrey Ivanovich Osterman. Razdel Turtsii. Iz istorii Vostochnogo voprosa. Voyna pyati let (1735–1739). Odessa, 1899.
- Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii, t. VIII. Sankt-Peterburg, 1830.
- Prisoyedineniye Kryma k Rossii. Reskripty, pis'ma, relyatsii i doneseniya, t. 1. Sankt-Peterburg, 1885.
- Smirnov V. D.* Krymskoye khanstvo pod verkhovnstvom Ottomanskoy Porty v XVIII stoletii. Odessa, 1889.
- Teplov V. A.* Predstaviteli yevropeyskikh derzhav v prezhnem Konstantinopole. Sankt-Peterburg, 1890.
- Teplov V. A.* Russkiye predstaviteli v Tsar'grade. Sankt-Peterburg, 1891.
- Ulyanitskiy V. A.* Russkiye konsul'stva za granitseyu v XVIII veke, ch. II. Moskva, 1899.
- Vandal' A.* Imperatritsa Yelizaveta i Lyudovik XV. Moskva, 1911.
- Viskovatov A. V.* Voyennyye deystviya Rossiyskogo grebnogo flota, pod nachal'stvom vitse-admirala Bredalya na Azovskom more, v 1736, 1737 i 1738 godakh. Sankt-Peterburg, 1830.
- Yuzefovich T. P.* Dogovory Rossii s Vostokom, politicheskiye i torgovyye. Sankt-Peterburg, 1869.
- Zapiski inostrantsev o Rossii v XVIII stoletii. Pis'ma ledi Rondo, zheny angliyskogo rezidenta pri Russkom Dvore v tsarstvovaniye imperatritsy Anny Ioannovny. Sankt-Peterburg, 1874.